

С.В. Стахорский

Мастер

В многолюдном собрании лиц, населяющих роман, романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», роль этого персонажа обозначена со всей определенностью. Глава, в которой с ним встречается читатель, названа «Явление героя». Между тем в пространстве сюжета Мастер занимает немного места. Он появляется в 13-й главе, когда вступили в действие все основные лица (кроме Маргариты), а некоторые уже его покинули. Затем Мастер надолго исчезает из повествования, чтобы снова объявиться только в 24-й главе. И, наконец, участвует в трех заключительных главах (30, 31, 32). В мировой литературе трудно найти другое произведение, в котором бы герой столько времени находился «за кулисами» сюжета, дожидаясь своего «выхода». Мало соответствуют функции героя сами эти «выходы». В них по существу отсутствует какое-либо действие, что особенно заметно в сопоставлении с деятельной героиней романа, решившейся во имя любви к Мастеру на поступки рискованные и отчаянные. Первый «выход» Мастера выливается в рассказ-исповедь о том, что с ним произошло раньше: о романе, сочиненном и сожженном, о возлюбленной, найденной и потерянной, о заточении, сначала насильственном (арест), а потом добровольном (в клинике для душевнобольных). Дальнейшие перипетии героя целиком определяются другими лицами. Воланд «извлекает» его из больничной палаты, чтобы соединить с Маргаритой; Азазелло — «освобождает», отравив его, и освобожденный герой вместе со своей возлюбленной, ставшей тоже свободной, отправляются туда, где их ожидает вечный приют. Почти все события происходят с Мастером, но не им осуществляются. Тем не менее он протагонист романа. Судьба Мастера и Маргариты соединяет разрозненные «эпизоды» повествования, скрепляя их сюжетно-событийно и/или символически.

Герой Булгакова — человек без имени. От своего настоящего имени он отрекается дважды: сначала, приняв прозвище Мастера, которым его нарекла Маргарита, и потом, оказавшись в клинике профессора Стравинского, где пребывает как «номер сто восемнадцатый из первого корпуса». Последнее сопряжено, надо полагать, с литературной реминисценцией: отсылка к другому «заключенному» современной Булгакову романистики — Д-503, герою романа Замятина «Мы», судьба которого имеет ряд совпадений с судьбой Мастера (оба занимаются писательством, не считая себя писателями; у каждого есть возлюбленная, способная на мужественные поступки).

Семантика имени Мастера сложна для понимания и не поддается однозначному прочтению. Оставляя в стороне темный вопрос о происхождении этого имени, можно отметить, что в текстах Булгакова оно встречается несколько раз, всегда наделено эмфатическим смыслом и вместе с тем употребляется по меньшей мере непоследовательно. «Бедным и окровавленным мастером» называет Булгаков героя «Жизни господина де Мольера»; среди вариантов названия пьесы о Сталине (впоследствии «Батум») фигурирует «Мастер».

В символике романа имя Мастера возникает в противопоставлении писательскому ремеслу. Знаменитый ответ на вопрос Ивана Бездомного: «Вы писатель?» — «Я — мастер». Если принять во внимание, что перед этими словами шел разговор о романе про Понтия Пилата, сочиненном героем, то очевидна смысловая, ценностная модуляция. Герой оттого стал Мастером, что его литературное занятие вышло за свои границы, превратилось в дело, которое он призван исполнить, на которое венчан, как король на царство. У Мастера даже есть корона — сшитая Маргаритой черная шапочка с желтой буквой «М». Тогда слово «мастер» означает «посвященный».

Образ Мастера являет собой развитие лирического героя Булгакова, связанного со своим творцом интимно-родственными отношениями и общей литературной родословной,

на генеалогическом древе которой особо выделяются имена Гофмана и Гоголя. От первого герой Булгакова унаследовал звание «трижды романтического мастера», от второго — портретные черты (острый нос, свешивающийся на лоб клочок волос) и роковое обстоятельство своей судьбы. В момент отчаяния Мастер сжигает сотворенный им роман, как Гоголь, уничтоживший второй том «Мертвых душ», как сам Булгаков, бросивший в огонь рукопись романа о дьяволе. Гипотетическим прообразом Мастера является украинский философ XVIII века Г. Сковорода, который, подобно герою Булгакова, при жизни не опубликовал ни одного из своих сочинений и в определенных обстоятельствах вынужден был притвориться сумасшедшим. Помимо того философская проблематика романа может рассматриваться как отражение философии Сковороды в некоторых важных ее пунктах.

В творчестве Булгакова образ Мастера соотносится с такими персонажами, наделенными автобиографическими чертами, как герой «Записок юного врача», Турбин («Белая гвардия»), Мольер (романа и пьесы «Кабала святош»), Максудов («Запиской покойника»). Сюжетные параллели с последним наиболее очевидны. (На них в первую очередь обращают внимание комментаторы Булгакова.) Оба героя — мелкие служащие (один — редакции, другой — музея), ничем не примечательные в обыденной жизни. В обоих внезапно пробуждается писательское дарование. Тот и другой сочиняют роман, принесший им счастье и горе. Подобно Максудову, Мастер, столкнувшись с «братьями по литературе», становится объектом травли. Обоим «на широком поле словесности» уготовано быть «литературными волками» (слова Булгакова, сказанные им о себе). Между тем сочинение Максудова опубликовано, его инсценирует Независимый театр. Роман Мастера не попал к читателям и духовно сломил его. Затравленный и гонимый, Мастер отрекается от своего творения, бросив рукопись в огонь.

Максудов сочиняет современный роман, описывая в нем события, очевидцем которых он был. Мастер наделен даром прозрения, способностью видеть историю двухтысячелетней давности такой, какой она была на самом деле. «О, как я угадал! О, как я все угадал», — восклицает Мастер, когда благодаря Ивану Бездомному, запомнившему разговор с Воландом, он получает возможность сравнить описанное в романе с рассказом живого свидетеля.

В образ Мастера автор вложил свое понимание писателя и его жизненного предназначения. Для Булгакова писательство — теургия, но не в толковании Вл. Соловьева и русских символистов, которое подразумевало «восхождение» к «заоблачным тронам» и обратное жизнестроительное действие, отсюда производимое. Булгаковская теургия — это прозрение истины, ниспосланной свыше, которую писатель должен «угадать» и о которой обязан поведать людям, «чтобы знали...». («Чтобы знали» — последние слова умирающего Булгакова, которые услышала его жена.)

Концепция писателя, олицетворенная в образе Мастера, принципиально отличается от доктрины символистов, согласно которой художественный дар предоставлял его носителю как бы индульгенцию. В стихотворении Ф. Сологуба «Я испытал превратности судеб» поэт, много грешивший в жизни, допущен апостолом Петром «внимать святое ликованье» только на том основании, что был поэтом. Для Булгакова пребывание поэтом или прозаиком само по себе еще ничего не означает. Все дело в том, как художник распорядился своим дарованием. Берлиоз, например, разменял свой талант на житейский комфорт и за это должен уйти в небытие. Мастер исполнил возложенный на него долг, но только наполовину. Он сочинил роман. Однако не выдержал его ноши, предпочел бегство и тем нарушил вторую часть своего предназначения: чтобы знали — узнанное им. (В этом срезе существенно сопоставление судеб Мастера и Иешуа Га-Ноцри, который имел возможность избежать креста, но ею не воспользовался.) Оттого-то Мастер «не заслужил света, он заслужил покой».